

В июне 1971 года стояла жара. Все окна и двери одноэтажного барака были открыты настежь. Баба Маня почти бегом ковьяляла по длинному коридору и взволнованно бормотала:

– Мои, мои приехали! Мои, мои...

Сначала она мелькала в распахнутых окнах, потом выскакивала на крыльцо, всплёскивала руками и продолжала, уже всхлипывая:

– Мои приехали, мои, мои! – и начинала плакать.

Это повторялось каждый раз, когда мы с мамой приезжали навестить бабушку в дом престарелых. Другие жильцы этого дома рассматривали нас исподлобья и, кажется, завидовали ей. А нас осуждали.

Сейчас я уже сама бабушка. Когда воспоминания накрывают волной, становится стыдно и неудобно. Как же она могла оказаться ТАМ, если МЫ у неё были? Как?

...Жизнь бабы Мани – загадка, которую никто и не пытался разгадать. Кому она нужна? Мужа у неё никогда не было. Трудового стажа тоже, потому что работала всегда в чужих семьях по хозяйству, естественно, без трудовой книжки. Ещё девочкой её отдали из большой деревенской семьи в прислугу, в то время это было обычным делом. Шло первое десятилетие двадцатого века.

Единственного сына Александра, моего отца, она родила от своего работодателя на четвёртом десятке лет. Хозяин был врачом, сначала он поддерживал бабушку, помогал материально. Но в 1937 году исчез. Об этом вполголоса мне, уже взрослой, рассказала бабушкина троюродная сестра.

Отец умер в возрасте тридцати четырёх лет от осложнения на сердце после гриппа. Моей маме, оставшейся с двумя маленькими детьми, надо было устраивать свою жизнь. И через какое-то время мы переехали от бабушки в другую квартиру.

Помню холодные зимние дни, когда отменяли занятия в школе: мы с братом Серёжей брали плетёную карету-санки и с восторгом неслись к бабушке. Брат бежал впереди и тащил за верёвку санки, а я стояла сзади на полозьях и держалась за спинку кареты.

– Эге-гей, моя лошадка! – кричала я, и горло у меня не болело.

Зачем уроки отменяли? Дети, выросшие в таком климате, морозов не боялись. А лишний выходной – за счастье! Я – первоклассница, а Сергей – второклассник. Он был старше меня на каких-то полтора года, но почему-то казался взрослее. Баба Маня всегда была нам рада и сразу затевала стряпню. Первым делом внуков надо было накормить!

Баба Маня и мама около нашего дома.

С баушкой, а именно так мы её называли, мне никогда не было скучно. И хоть все её сказки я знала наизусть, готова была слушать снова и снова про Жихарку и его друзей. И главное, никто не заставлял есть ненавистный суп с луком, она всегда что-нибудь стряпала. Даже самые простые пресные лепёшки казались лакомством.

Я и Баба Маня.

А когда после окончания четвёртого класса меня перевели в другую школу, оказалось, что квартир-ка бабы Мани находится через дорогу. Ей дали крохотную каморку, потому что старый дом, где раньше мы жили все вместе, признали аварийным. Помню, что треснутые стены с наружной стороны были подпёрты кирпичными горками. Это был склад, переоборудованный в жильё. Года в два я забралась наверх по выступающим кирпичам, а как спуститься вниз – не знала. Стояла наверху и ныла. Прибежали мама с бабушкой. Бабушка причитала, а мама ругалась. От этого становилось ещё страшнее. Снял меня какой-то мужчина. Это одно из первых воспоминаний о себе.

На большой перемене все бежали в буфет, где для детей из многодетных семей накрывали стол с бесплатными обедами. А остальные покупали булочки, пирожки, коржики и рыбки. Ах, эти рыбки! Кто не в курсе, это те же коржики, только в форме рыбки. До чего же они были вкусными и стоили всего семь копеек! Но мама никогда не давала денег на обед. Как я завидовала своим подружкам! Бежала к бабушке и просила:

– Баушка, дай три копейки! На рыбку не хватает!

Остальные четыре я уже назанимала у одноклассников. Но она могла предложить только лепёшки. У неё была мизерная пенсия из-за отсутствия официального стажа. Не понимаю, как она жила на эти деньги. А тогда было немного обидно. Вспоминаю это, и так жалко бабушку! И немного себя.

Чтобы получить хоть какую-то дополнительную копеечку, баба Маня пустила на постой квартирантку-студентку. В маленькой комнатке стояли две кровати, стол, шкаф и печка. В центре оставалось около метра свободного пространства. Летом кухня переезжала в сенцы, где помещались

стол и две табуретки. За деревянной перегородкой находилась маленький чулан, там хранилась мука и что-то ещё. Света в чулане не было, и я туда не заходила, побаивалась. Это было какое-то запредельное пространство.

Бабушка любила меня, я это чувствовала и проводила с ней много времени. Дома мне всегда не хватало тепла. Когда умер папа, мне было чуть больше полутора лет. Я не помню его. Говорят, он тоже меня очень любил. У мамы был новый муж, который любил своего сына, моего младшего брата. Меня и Серёжку он точно не любил.

Когда папа умирал, мамы дома не было, она уехала в отпуск, в дом отдыха, а потом ещё заехала к своей маме, бабушке Вере. Мы с братом остались с бабой Маней. Отец сильно болел. Он отпустил маму, сказал: «Поезжай, когда ещё потом съездишь». Он знал, что скоро умрёт. Мама со слов бабушки позже рассказывала, что, когда скорая попыталась помочь отцу, я ходила по квартире и повторяла: «Папа умияет! Папа умияет!» Представляю это, и всё сжимается внутри...

Поэтому я тянулась к бабушке, а она ко мне. Внука она тоже любила, но мы были девочки, и нам было хорошо вместе.

Продолжалось это недолго. Бабу Маню парализовало. Её даже в больницу не забрали, она лежала дома. Был конец шестидесятых. Сейчас такое даже представить трудно. Ходить она не могла и плохо говорила. Долго пытаюсь что-то выговорить, психовала, и с её губ срывалось ругательство. Без всяких заиканий.

– Растудыттвоемать!

Мы вместе смеялись, правда, её смех был больше похож на рыдания, и я наконец понимала, что она хочет.

Ухаживала за ней квартирантка. Но она уехала на каникулы и больше не вернулась. Зачем ей это? Я всё свободное время проводила с бабушкой. Но от меня какой толк? Наступала осень, холодало.

К тому времени мамина мама переехала к нам из Ивановской области и жила в полуподвальной квартире с печкой. Мама уговорила её взять к себе бывшую свекровь. Баба Вера старалась, но это было непосильной ношей для пожилого полуслеплого человека. И тогда мама устроила бабу Маню в дом престарелых (в другом городе). Сама она ухаживать за ней не могла, сиделку нанять возможности не было. Да и моему отчиму это было не нужно. Мама выбрала понятно кого. Я пытаюсь не осуждать её, она выбирала будущее, а не прошлое.

Каждые каникулы мы ездили навещать бабушку. Я показывала ей свои пятёрочные табели, чему она очень радовалась, хвалила меня. Здесь её подлечили, и она могла ходить и говорить стала немного лучше. Однажды мне разрешили зайти в палату. Точно не помню, там стояло кроватей 8–10. На каждой сидела или лежала пожилая женщина, выглядели они ужасно старыми и больными. И какими-то беспризорными. А в глазах – беспробудная тоска!

Я была в шоке. Никакого личного пространства, и мало воздуха. Мы старались встречаться с бабушкой во дворе.

В августе 1971 года мы приехали к ней без Сергея. Мама наказала мне не говорить бабушке, что он погиб. После смерти отца это была первая осознанная потеря в моей жизни, брата убило током. Это произошло в саду, он пытался провести свет в домик. Я купалась в речке, а когда вернулась, на нашем участке стояло много чужих людей, и в центре, на матрасе, лежал Сергей в каких-то пятнах. Ему было тринадцать лет.

*Здесь все ещё живы. Мама, папа, я, Сергей и Баба Маня.
Через год папы не станет.*

Трагические события того года – болезнь бабушки и её помещение в дом престарелых, гибель брата – оказали на меня сильнейшее воздействие. Я начала писать стихи. Хотя, конечно, тогда я не связывала всё это. Мне было одиннадцать.

Когда баба Маня вышла к нам, первым делом спросила:

– А Серёжа почему не приехал?

Я начала что-то бормотать, что он не смог, у него там какие-то дела. Но это было настолько неубедительно, что бабушка почувствовала неладное и заплакала:

– Что случилось? Говорите!

Я прошептала:

– Он умер.

Баба Маня так голосила, что прибежали работники учреждения и увели её. Потом вышел врач и сказал, что сегодня нам нельзя больше с ней встречаться. Видимо, ей поставили успокоительное, и она уснула.

Мы уехали. Больше я бабу Маню никогда не видела. Когда к ней приехала её старшая сестра,

которой самой-то было около восьмидесяти лет, ей сообщили, что Мария Николаевна умерла и похоронена на кладбище дома престарелых. Почему родственников не уведомили сразу, мне непонятно. Может, помещая туда своих родных людей, они подписывали договор о снятии с себя всех обязанностей и прав.

Теперь меня согревало доброе сердце бабы Веры.

Я не знаю ни дня рождения бабы Мани, ни дня смерти. Мама не помнит. Я – тем более. На письмо в дом престарелых ответа я не получила. Знаю только, что примерно она дожила до семидесяти шести лет.

Попрекая меня за упрямый характер, мама всю жизнь говорила: «У-у, баушка Маня!»

А я думаю, что, если бы не было у меня такого характера, ничего бы из меня не вышло. Я росла как сорная трава, меня воспитала улица. Никто особо не беспокоился: где я, с кем, что делаю, во сколько пришла... Я могла попасть в плохую компанию, да что угодно могло случиться! А я писала стихи, ходила в литературное объединение, участвовала в художественной самодеятельности. Дружила со спортом, бегала на коньках, ходила в волейбольную и баскетбольную секции, хорошо училась.

После восьмого класса мама не пустила меня в девятый. Сказала, что всё равно не будет учить в институте. Потому что у меня нет отца, а у неё есть ещё сын. Я выбрала самый сложный техникум в городе – энергостроительный. «Пед», «мед» и «зоовет» меня совсем не интересовали. Как, впрочем, и энергостроительный. Институт я, конечно, потом закончила, когда моим детям было два и три года. И «академов» не брала. Жизнь моя складывалась непросто, но интересно. Я никогда не чувствовала себя на обочине, всегда была в центре событий.

И если всё это благодаря тому, что я унаследовала характер бабы Мани, то спасибо ей огромное и низкий поклон! Я всегда её помню и люблю! И очень сожалею, что ничем не могла ей помочь.

P.S. Совсем недавно мама проговорила, что, переезжая в свою квартиру, она оставила меня, трёхлетнюю, у бабушки на целый год, взяв с собой только Серёжу. Не помню этот период жизни, видимо, потому, что он прошёл спокойно. А я в том возрасте запоминала только особенно яркие эмоциональные моменты.

Теперь я понимаю, почему между мной и бабой Маней был такая крепкая связь и взаимное приятие.